

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В КОНТЕКСТЕ ИХ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Муравьёва Екатерина Игоревна

соискатель, преподаватель, Военный Университет

Министерства Обороны

ramzessa89@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF SOVIET AND MODERN LITERATURE ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE CONTEXT OF THEIR EDUCATIONAL VALUE

E. Muraviova

Summary: This article analyzes the Soviet and modern literature about the Great Patriotic War in the context of their educational value. Soviet literature about the war was formed under the influence of two extraliterary factors: the author's status in the command and control hierarchy of wartime and the ideological censoring of texts. The emergence of a new military prose took place in the conditions of an undeclared war that formed a stable anti-militarist public consciousness. With all the variety of artistic approaches and style incarnations, modern literature about the Great Patriotic War is devoted to solving the main issue - about the price of Victory. New military prose merges with the literature of the «lost generation», assimilates the experience of existentialist prose, the techniques of modernist writing, and enters the field of genre experiments.

Keywords: war, history, Russian Soviet literature, modern military prose, historical prose, lieutenant prose, genre experiment, literature about the Great Patriotic War, K. Simonov, G. Baklanov, V. Astafyev, V. Nekrasov, V. Kondratyev.

Аннотация: В настоящей статье анализируется советская и современная литература о Великой отечественной войне в контексте их воспитательного значения. Советская литература о войне формировалась под влиянием двух внелитературных факторов: статуса автора в командно-должностной иерархии военного времени и идеологического цензурирования текстов. Становление новой военной прозы происходило в условиях необъявленной войны, сформировавшей устойчивое антимилитаристское общественное сознание. При всем разнообразии художественных подходов и стилевых воплощений современная литература о Великой Отечественной войне посвящена решению главного вопроса — о цене Победы. Новая военная проза смыкается с литературой «потерянного поколения», усваивает опыт экзистенциалистской прозы, приемы модернистского письма, вступает на поле жанровых экспериментов.

Ключевые слова: война, история, русская советская литература, современная военная проза, историческая проза, лейтенантская проза, жанровый эксперимент, литература о Великой Отечественной войне, К. Симонов, Г. Бакланов, В. Астафьев, В. Некрасов, В. Кондратьев.

Великая Отечественная до сих пор вызывает идеологические, политические, культурологические дискуссии. Ей посвящено много книг как в прошлом, так и в настоящем времени. Среди авторов военной литературы советского периода можно выделить следующих классиков: В. Гроссман, К. Симонов, Г. Бакланов, В. Астафьев, В. Некрасов, В. Кондратьев, А. Приставкин, Ю. Бондарев, П. Проскурин и др.

В трудах Ю. Бондарева, Г. Бакланова, Ю. Гончарова, К. Воробьева впервые была показана война «в настоящем ее выражении» [1]. Так называемая «лейтенантская проза» большое внимание уделяла раскрытию психологической «правды» о судьбе «простого» солдата. При этом, присутствовало достаточно эпическое познание не простых явлений эпохи.

Н. Лейдерман обращает внимание на смену ценностей в «лейтенантской прозе». В частности, первое место заняли моральные критерии и воспитательная функция.

Так, основным мерилем героизма является не количество убитых врагов, а понимание ценности бытия. Помеялась и главная коллизия: первостепенную роль играет не столкновение между советским человеком и врагом, имеющее в своей основе идеологическую и политическую подоплеку, а конфликт внутренний, моральный: между теми, кто был по одну сторону фронта [2].

«Лейтенантская» проза появилась во второй половине 1950-х годов. Среди предшественников авторов данного направления наиболее популярным был В. Некрасов («Окопы Сталинграда») [3].

Написанная им повесть на основе собственного военного опыта, имела форму повествования от лица вымышленного персонажа — Юрия Керженцева, образ которого автобиографичен. Специфической чертой формы повествования от 1-го лица выступала «презумпция автобиографизма» [4]. Выбранный Некрасовым В. стиль изложения наполнял повесть лирической тональностью и

эффектом документалистической правдивости.

Собственный военный опыт отражен в произведениях Г. Бакланова, Ю. Бондарева, В. Быкова, К. Воробьева. Они с точностью до мелочей показывают военный быт, который не выступает в произведениях «сюжетным фоном», поскольку данный факт для авторов имел одинаковое значение наравне с осознанием бытия личности на войне. Указанное содействовало усилению эффекта достоверности произведений.

Во второй половине 1960-х годов исчерпал себя определенный этап развития «военной» прозы. Происходил поиск новых форм повествования, новых стилей освещения «военной» темы. Нарастал документализм и романизация прозы [5]. Так, в жанре романа пишет Ю. Бондарев («Горячий снег» (1969)) [6], меняется структура повестей В. Быкова в сторону ее романизации («Мертвым не больно» (1966)) [7] и более философским наполнением сюжета, образов («Сотников» (1970)[8], «Обелиск» (1972)[9], «Дожить до рассвета» (1972)[10]).

В 1971 г. К. Симонов завершил написание своей трилогии «Живые и мертвые» (1959–1971) [11]. Цельность его трилогии продемонстрировала, что специфика современного романа о войне заключается в синтезе «панорамности» и «окопной правды».

Необходимо отметить, что 1970-м характерен расцвет «панорамного романа». Например, «Война» И. Стаднюка (1970–1980), «Блокада» (1968–1975) и «Победа» (1978–1981) А. Чаковского. Эти произведения продемонстрировали наметившуюся в литературе тенденцию к романизации.

Однако, в «военной» литературе наибольшую популярность приобрел жанр повести, в котором написаны лучшие художественные произведения о Великой Отечественной войне 1970–1980-х годов (например, проза В. Кондратьева). В основном его проза основывалась на общности героев, взаимосвязанности сюжетных линий, единстве проблематики и стиля. Кроме того, труды Кондратьева В. имеют похожие элементы с «лейтенантской» «военной» прозой в чертах героев, в художественном стиле.

Таким образом, можно заключить, что тенденция к романной копцентуальности в прозе 1970–1980-х годов выразилась в обращении к художественной форме, «столь же емкой, как роман, но более свободной», — циклу [12].

Хотелось бы обратить внимание, что несмотря на многочисленность военных мемуаров, написанных в период послевоенного советского сорокалетия, каждое

произведение выходило под воздействием, как минимум, двух внелитературных факторов: статуса автора в командно-должностной иерархии военного времени и идеологической цензуры содержания.

Авторами военной литературы, в основном, могли быть военачальники высокого ранга из числа генералитета, имеющие отношение к разработке и проведению серьезных военных операций. В порядке исключения допускались к написанию военных мемуаров рядовые солдаты, прославленные подвигами на полях сражений и вспоминавшие об этих подвигах на книжных или журнальных страницах. Однако, к непосредственному изложению этих текстов зачастую привлекались литераторы-профессионалы, использовавшие трафарет жанра «литературных записей».

При этом, издательство совместно с цензурой военного и гражданского ведомств очень внимательно контролировало, чтобы литературные произведения о войне демонстрировали официальную военно-историческую доктрину и не противоречили имеющейся героико-патриотической интерпретации войны, обозначенной в партийно-идеологической и генштабистской инстанциях [13].

Не допускались в печать документальные записи о сложно проходивших и трагически закончившихся событиях первой половины войны. Например, обороне Севастополя, керченском десанте, гибели Второй ударной армии, и т. д. Реальные участники, не могли рассказать свои воспоминания о тех трагических событиях, поскольку не соответствовали официальной версии повсеместно успешно происходящей героической борьбе с врагом.

Работа К. Симонова над документальными сериалами «Шел солдат» и «Солдатские мемуары», телебеседы с полными кавалерами солдатских орденов Славы показали историческую ценность не причисленных редактурой воспоминаний рядовых фронтовиков [14].

С ликвидацией партийно-государственного регулирования литературного процесса эти сковывающие факторы перестают действовать. Освободившись от многолетней регламентации, жанр военных воспоминаний, записок, дневников обнаружил способность к обновлению и саморазвитию. Актуализация военно-мемуарного жанра произошла не только из-за возможности публикации написанного за границами дозволенного, но прежде всего благодаря тому, что никем не санкционированные частные свидетельства фронтовиков обрели в общественном сознании новое качество, неписаный статус полноценных документальных источников.

Персонажно-авторский круг мемуарных публикаций в журналах и книгах последнего десятилетия перестал зависеть от положения автора в военно-командной иерархии, героичности его фронтовой судьбы и количества знаков отличия... По словам красноармейца-артиллериста Анатолия Казакова, «воспоминания всегда ограничиваются личными впечатлениями автора и его отношением к событиям. Поэтому так называемая «правда» никогда не бывает полной. Однако, исходя из приобретенной жизненной оценки прошлого, все же можно откровенно описать события, не боясь ныне преследования и цензуры, как в недавние времена» [15].

В 1990г. появилось достаточно много талантливо написанных книг о Великой Отечественной войне, в которых ее лицо, составляли гармоничные произведения высокого художественного класса.

Речь идет о сочетании в них двух равнодействующих: безупречной, часто почти документальной точности в изображении военной реальности и глубокого гуманистического осмысления этой реальности как части нашего общего бытия. О пристальном внимании писателей, вчерашних фронтовиков, к нравственному началу человека, присущего ему, но обостренного его положением между жизнью и смертью, воспитательной функцией. В сознании создателей этих произведений действовал и непреложный принцип художественной правды: соотношение деталей, картин и ситуаций с реальным солдатским опытом, современное осмысление Отечественной войны на основе первичного авторского знания фронтовой действительности. С полемической жесткостью это высказал В. Астафьев в комментарии к своему военному роману: «А что касается правды о войне — это моя правда, моя и ничья больше» [16]. Это ощущение, вьевшееся навсегда в кожу и душу солдата, ставшего писателем, оберегает его от «войны сочиненной <...> где сплошной героизм, где поза, громкие слова и славословие...» [16].

Между тем, начало XXI века характеризуется резким обмелением столь обильного в 90-е годы потока прозы. Так, целое десятилетие нового века принесло лишь два произведения, в которых показано безупречное, точное знание авторами реалий Великой Отечественной войны.

Первая из них — повесть Д. Гранина «По ту сторону» [17], в двойном — военном и послевоенном — времени и двойном — Россия и Германия — пространстве которой открываются неожиданные грани минувшей войны и неожиданные повороты памяти о ней. По ту сторону — это о времени, меняющем людей. На одном конце его — молодой лейтенант Шагин в горячке войны, крепкий, освобождающий Европу, и маршал Конев хлопает его по плечу... На другом — сегодняшний Шагин с раздумьями об изнанке войны, которые прятал от себя прежде под

набором общепринятых застывших фраз. Мысли о том, что «священная война стала грязной», что «ради званий и наград мы своих не жалели»...

Второй произведение — повесть И. Николаева «Лейтенанты» [18], маскирующаяся под «записки офицера» точно так же, как некогда знаменитая книга В. Некрасова «В окопах Сталинграда». Война с лета 43-го до победного мая 45-го, от левобережной Украины до окрестностей немецкой столицы, пройденная ногами и увиденная глазами двадцатилетнего лейтенанта переднего края, командира взвода батальонных минометов. Разрыв между фронтовой реальностью и предвоенной подготовкой войск. Контраст между ужасающим окопным бытом на передовой и вполне устроенной жизнью уже в паре верст от нее. Вынужденный ритуал приписок в наградных листах, иначе орденов не выдать. Солдатская усталость от непрерывного рытья траншей, щелей, ходов сообщения, которые уже на следующий день бросают.

Жесткое писательское зрение И. Николаева охватывает фронтовые реалии и ситуации, которые в прежние годы были обойдены вниманием авторов военной прозы или отсечены редакторскими табу как не соответствующие представлениям о победоносности нашей армии. На каждой странице «Лейтенантов» — еще один шаг к правде о неизвестной войне на передовой и в ближнем тылу, в боевых порядках пехоты, на марше, на огневой позиции, на переформировке, на речной переправе, в промерзлых окопах и бюргерских особняках, в азарте прорыва и в панике драпа...

Параллельно с заметным уменьшением объема военной прозы происходит размывание ее главного качества, обуславливающего полноту правды, — паритета достоверной батальной пластики и современного осмысления подлинных социально-нравственных коллизий войны. Это объясняется, прежде всего, сужением круга авторов, непосредственных носителей подлинного знания и переживания фронтовой реальности, что не может компенсироваться вольным полетом писательского воображения или надуманными подробностями и ситуациями.

Словно к литераторам не воевавшего поколения обращено размышление фронтовика Агеева в повести В. Быкова «Карьер»: «Знаний о войне у вас хватает. Но вот атмосфера времени — это та тонкость, которую невозможно постичь логически. Это постигается шкурой. Кровью. Жизнью. Вам же этого не дано».

К распаду художественно-смысловой полнокровности высокой прозы о Великой Отечественной войне ведет и противоположная тенденция — акцентирование авторами-фронтовиками хроникально-документально-

го ракурса как единственно возможного пути к правде о войне. Распавшийся союз факта и мысли с явным перевесом самодовлеющих документальных свидетельств над их обобщением наблюдаем в романе В. Богомолова «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?...» (2009).

Огромный массив собранных В. Богомоловым подлинных и стилизованных им документов, относящихся к военной весне 1945 года, представляет самую ценную составляющую романа. Приказы командующих советской и германской армий разного ранга, разведсообщения и политдонесения, шифротелеграммы, директивы Военных Советов и политуправлений, докладные и объяснительные записки, выдержки из писем и дневников заполняют десятки страниц и впервые открывают дотеле неведомый читателю «гигантский механизм военно-государственной машины».

Что же касается заявленного автором намерения двигаться от документальности к общечеловеческим проблемам, то оно, увы, тонет в фактографически перенасыщенном растворе текста.

Помимо собственных внутрилитературных затруднений в сегодняшней судьбе прозы об Отечественной войне существуют и неблагоприятные для нее внешние обстоятельства. Это смещение общественных литературных интересов в сторону от социально-нравственной проблематики, выветривание из сегодняшней культуры героизма, доблести, чести, самопожертвования, без чего невозможно писать о минувшей войне. Это перемещение войны в сознании нового поколения из обжигающей память недавнего прошлого в историю столь же далекую, как Первая мировая или Гражданская. И, как следствие, снижение актуальности духовно-нравственного опыта военных лет для современного молодого человека, а для пожилого — нежелание вновь погружаться в их мучительную реальность.

Таким образом, минувшее десятилетие можно характеризовать как полосу системного кризиса высокой прозы о войне, раскрывающей ее безмерную сложность и трагичность, и, вероятно, как завершение полувекового пути этого авангарда отечественной литературы.

Соседство двух непересекающихся потоков: высокой военной прозы и ущербных псевдобатальных текстов — заметная, но не самая значительная особенность литературной ситуации минувшего десятилетия. Гораздо существеннее другое — необычная картина сосуществования в литературе о войне двух жанровых пластов — художественного и мемуарного. Такое сосуществование, разумеется, имело место и прежде, но в последние годы оно коренным образом изменилось.

Еще более сильное впечатление, чем новая журнальная проза последних лет с воспоминаниями фронтовиков, воевавших в строю с оружием в руках, производит беспрецедентное издательское предприятие — неожиданно открывшийся канал документальных свидетельств в книжной серии «Человек на обочине войны».

Его началом стал год 60-летия Победы, после которого на протяжении пятилетия один за другим были опубликованы целых одиннадцать выпусков. Об их содержании говорят названия: «Беглецы из плена (воспоминания танкиста и морского артиллериста)», «Оккупированное детство», «Средь без вести пропавших», «Дневник военной переводчицы», «Маленький Ostarbeiter», «Зигзаги судьбы (из жизни советского военнопленного и советского зека)» и другие. Невероятный для мемуаристики советской эпохи круг авторов и персонажей этих книг прокомментировал составитель одной из них — «Альманаха дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет» Павел Полян.

Книжная серия «Человек на обочине войны» — вершинное проявление гуманизации и демократизации военно-мемуарного жанра, который стал сегодня, несомненно, самым заметным явлением литературы о Великой Отечественной войны.

Резюмируя изложенное, можно прийти к выводу, что с угасанием художественных произведений о минувшей войне, словно замещая их в читательском репертуаре, выходит вперед литература факта, несочиненных воспоминаний и начинает занимать ведущее положение в этом тематическом сегменте. Именно сюда в прошедшем десятилетии смещается центр тяжести военной прозы, мемуары неожиданно становятся наиболее значительным жанром в воссоздании правды о Великой Отечественной войне. И дело не только в количественном преобладании мемуарных свидетельств непосредственных участников войны о ее подлинных ситуациях и судьбах. Объяснения требует, прежде всего, новое качество этих публикаций.

Таково закономерное жанровое замещение, происходящее на рубеже веков внутри литературы о Великой Отечественной войне: художественная проза постепенно и неизбежно уступает место мемуарной прозе нового качества, основанной на свободе субъективно-частного воссоздания как подробностей пережитого автором, так и его собственных размышлений в те дни. Действие этой жанровой тенденции четко прослеживается как на журнальном, так и на книжном издательском поле последнего десятилетия [19-26].

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л.Н. Севастопольские рассказы. Севастополь в декабре месяце. – М.: Дрофа Плюс, 2008. С. 25.
2. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы: в 2 т. – М.: Академия, 2003. Т. 1. С.162-173.
3. Кардин В. Виктор Некрасов и Юрий Керженцев // Вопросы литературы. 1989. № 4. С. 113–148.
4. Атарова К. Н., Лесский Г. А. Семантика и структура повествования от 1-го лица в художественной прозе // Известия АН СССР. Сер. Литература и язык. 1976. Т. 35. № 4. С. 346.
5. Тагильцев, А. В. «Туман войны»: образ Великой Отечественной войны в современной массовой литературе / А. В. Тагильцев // Филологический класс. – 2012. – № 3 (29). – С. 94-97
6. Горячий снег: роман / Ю. В. Бондарев // Знамя. – 1969. — № 9 — 11
7. Быков В. Мертвым не больно // перевод: М. Горбачёв // журнал «Новый Мир № 1, 1966», 1966 г.
8. Быков В. Сотников. – М.: Азбука, 2005 -224 с.
9. Быков В. Обелиск. Сотников – М.: Детская литература, 2019 -269 с.
10. Быков В. Дожить до рассвета – М., 1972 -142 с.
11. Симонов К. Живые и мертвые – М.: Детская литература, 2020 -621 с.
12. Лазарев Л. И. Это наша судьба. М., 1983. С. 49.
13. Беседы с Виктором Астафьевым. Запись, подготовка текста и вступительная заметка Николая Кавина // Звезда. 2005. № 5. С. 106.
14. Лазарев Л. В преддверии знаменательной даты // Знамя. 2005. № 3
15. Казаков А. На той давнишней войне // Звезда. 2005. № 5. С. 55
16. Астафьев В. Собр. соч. в 15 тт. Т. 10. Красноярск: Офсет, 1997. С. 766
17. Гранин Д. «По ту сторону» // Дружба народов». - 2003. - № 1.
18. Николаев И. «Лейтенанты» // Звезда». – 2009. -№ 9.
19. Я это видел. . . Новые письма о войне / Сост. Э. Максимова, А. Данилевич. М.: Время, 2005;
20. Человек на обочине войны. Книжная серия. М.: Росспэн, 2005-2010;
21. Рабичев Л. Война все спишет // Знамя. 2005. № 2;
22. Николаев Ю. Записки окопного сержанта // Дружба народов. 2005. № 4;
23. Гулин А. И не комиссар, и не еврей. . . Моя неволя // Новый мир. 2005. № 7;
24. Фарбер Ю. Мы не сдавались // Дружба народов. 2006. № 5;
25. Фибих Д. Фронтовые дневники 1942-1943 гг. // Новый мир. 2010. № 5;
26. Гитман М. Моя война // Звезда. 2010. № 6.

© Муравьёва Екатерина Игоревна (ramzessa89@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»